

Когда Ван Мо открыла входную дверь, мама как раз выходила из кухни с тарелкой супа.

Увидев Ван Мо на пороге с куклой в руках и железной игрушкой подмышкой, она замерла. Супница застыла у неё в руках на пару секунд, над ней ещё поднимался пар; мама не поставила миску, но и шагу не стукнула дальше.

Её взгляд скользнул с лица Ван Мо на куклу в её руках, а оттуда — на Те Пея, примостившегося в сгибе её локтя. Голова Те Пея бессильно свесилась ей на плечо, глаза были закрыты, а меж бровей пролегла бледная царапина, отливавшая в свете прихожей едва заметным серебристо-серым блеском.

— Это что такое? — голос мамы прозвучал ровно — настолько, что невозможно было понять, вопрос это или восклицание.

Ло Ли подняла голову в руках Ван Мо.

— Здравствуйте, тетя, — её звонкий голосок прозвучал чуть-чуть настороженно, а на конце чуть слышно оборвался.

Мама шевельнулась. Она поставила супницу на краешек обеденного стола, и доньшко глухо стукнуло о дерево.

— Проходите в дом.

Она слегка качнулась в сторону, освобождая проход.

Ван Мо скинула тапочки и посадила Ло Ли на стул у стены. Платье Ло Ли распустилось на сиденье пышным краем; она не стала озиаться по сторонам, а просто чинно уселась, сложив руки на коленях.

Те Пея Ван Мо отнесла в гостиную и уложила на диван. Когда она поддерживала его за спину, опуская вниз, голова Те Пея качнулась и мягко устроилась на подлокотнике. Ван Мо поправила её, возвращая в ровное положение; веки игрушки едва заметно дрогнули, но глаз он так и не открыл. Дыхание было лёгким, и грудь под жестяным панцирем едва заметно вздымалась.

Мама стояла возле обеденного стола и, глядя на Ло Ли поверх столешницы, спросила:

— Разговаривает?

— Разговариваю, тетя, — ответила Ло Ли.

Мама кивнула.

— А этот железный тоже умеет?

— Умеет, — подтвердила Ло Ли. — Он сегодня немного устал и уже заснул. Как проснётся, сразу с вами поздоровается.

Мама снова кивнула и больше расспрашивать не стала. Она повернулась и ушла на кухню.

— Мойте руки и садитесь за стол.

На столе стояло три блюда: тарелка битых огурцов с чесноком, тарелка тушеной зелени и жареная рыба. Ван Мо села, подняла пиалу и почувствовала, что руки стали чуть тверже, чем раньше. Мама села напротив, отправила в рот кусочек зелени, тщательно прожевала и проглотила, окинув Ло Ли долгим взглядом.

— Откуда этот ребёнок... то есть, кукла?

— Подарили.

— Кто?

— Тётя в одном магазине.

Мама не стала допытываться дальше. Она молча хлебнула супу, а затем положила в пиалу Ван Мо кусок жареной рыбы.

— Ты в последнее время стала меньше есть?

— Нет.

— Тогда ешь давай.

Ло Ли сидела на стуле и тихо наблюдала, как они ужинают. Ван Мо помедлила с палочками, подцепила с тарелки кусочек жареного яйца и положила перед Ло Ли на маленькое блюдечко.

Ло Ли опустила взгляд на яйцо. Края слегка обуглились, но серединка оставалась нежной, а на яичном белке блестела тончайшая масляная пленочка. Она подняла глаза на Ван Мо, словно проверяя, действительно ли это предназначалось ей. Затем она взяла палочки, которые до этого служили лишь украшением, осторожно зажала лакомый кусочек и откусила крошечный кусочек. Жевала она очень медленно.

Из-под стола донесся едва слышный шорох.

Клац. Затих.

Клац.

Мама опустила палочки и заглянула под стол.

— Что за звуки?

Те Пей сидел на корточках у ножки стола, опираясь рукой о перекладину стула, и снизу вверх смотрел на неё. Глаза его уже открылись, но взгляд всё еще оставался расфокусированным, словно он только что вынырнул из глубокого, затяжного сна.

— Я... не знаю, где это... — его голос звучал тихо и глухо. — Я ищу выход...

Мама, не отпрянув, продолжала смотреть на маленькую жестяную игрушку под столом.

— Не кружись тут под ногами.

Те Пей замер.

— Хорошо...

Он не сдвинулся с места, но и крутиться перестал. Примостившись у ножки стола, он так и сидел на корточках, глядя на мамино лицо.

Пару секунд мама молча смотрела на него, потом развернулась, вернулась на кухню и вынесла оттуда небольшую тарелочку арахиса, поставив её на край журнального столика.

— Вылезай, садись поешь.

Те Пей не шевельнулся. Он опустил голову на то место, где сидел, затем снова поднял взгляд на арахис, словно не понимая, как переместиться из одной точки в другую. Ван Мо отложила палочки, подошла, наклонилась и, подхватив его из-под стола, перенесла на диван. Ноги Те Пей не доставали до пола и висели в воздухе; он ничего не сказал, но вцепился пальцами в обивку дивана и с тех пор больше не разжимал рук.

Ло Ли подлетела от обеденного стола и опустилась на подлокотник рядом с Те Пеем.

— Ты голоден?

Те Пей опустил взгляд на арахис.

— Я... не знаю.

— А ты попробуй одну, сразу поймешь.

Те Пей протянул руку, пальцы на секунду замерли над блюдцем, а затем он ухватил орешек и отправил в рот. Он сделал одно движение челюстями, но глотать не стал.

Ло Ли склонила голову набок:

— Ну как?

— Твердое.

Ло Ли тихонько рассмеялась.

Ночью Ван Мо сидела за письменным столом: горела настольная лампа, блокнот был раскрыт, ручка лежала на разлинованной бумаге. Ло Ли примостилась рядом с лампой, распустив по столу подол платья, и подперла подбородок тыльной стороной ладони. Те Пей сидел на полу, прислонившись спиной к ножке стола, и сжимал в пальцах обрывок нитки: завязывал узел, распускал его и завязывал снова.

Система произнесла:

— Первый шаг выполнен.

Ван Мо перевернула страницу блокнота, нашла третью строчку и опустила кончик ручки:

— Шаг первый: найти Ло Ли — выполнено.

Она помедлила и дописала:

— Шаг второй: укрощение воды — в процессе.

Ло Ли придвинулась ближе:

— Что это ты пишешь?

— План усмирения вод.

— Той самой реки?

— Угу.

Ло Ли больше ни о чём не спрашивала и снова положила подбородок на тыльную сторону ладони. Те Пей сидел у её ног, перебирая в пальцах обрывок нитки и завязывая на нём четыре или пять узлов.

— Ты сегодня была в школе, — подал он голос, тихий и приглушенный. — Проходила мимо одной реки. Плохая река.

Ручка Ван Мо замерла.

— Откуда ты знаешь?

— Почуял по дороге, — ответил Те Пей. — В воздухе пахло ржавчиной, примесью воды, а потом что-то заскрипело. Мои суставы чувствуют этот запах.

Ван Мо опустила взгляд на бумагу.

— Ты прав. Именно поэтому я и придумываю способ исправить это.

Те Пей больше ничего не сказал. Сжав обрывок нитки в кулаке, он тихонько прислонился к ножке стула.

Ло Ли уже заснула, прикинув к её руке. Дыхание было легким и ровным, а ресницы отбрасывали в свете лампы крошечные полукруглые тени. Её рука лежала на краю стола, пальцы чуть подогнулись, словно во сне она пыталась нащупать что-то надежное.

Ван Мо не шевелилась, глядя на неё. Свет настольной лампы падал на подол платья Ло Ли, окрашивая алый край в мягкие золотистые тона. Она чуть-чуть подвинула лампу в сторону, убирая свет с лица Ло Ли и направляя его на её волосы. Во сне Ло Ли чуть качнула головой, прижавшись щекой к собственной руке; дыхание не изменилось, сон стал еще глубже.

За окном совсем стемнело. Шторы не были задернуты до конца, оставив узкую щель, через которую виднелись редкие огоньки старого района. Ночь стояла такая тихая, что было слышно, как дышит Ло Ли, и как изредка поскрипывают суставы Те Пея, когда он чуть-чуть менял

положение.

Ван Мо захлопнула блокнот, но подниматься не стала. Она сидела неподвижно, положив руку на обложку блокнота, как вдруг снизу, от самых ног, донесся голос Те Пея:

— Ты и завтра пойдешь к той реке?

— Да.

— Тогда я тоже пойду.

Ван Мо бросила на него быстрый взгляд. Те Пей не поднимал головы — он лишь методично наматывал обрывок нитки на палец и тут же разматывал обратно, словно это простое движение помогало ему удостовериться, что он всё ещё способен двигаться.

— Хорошо.

Те Пей больше не произнес ни слова. Завязав на нитке последний узел, он положил руки на колени и прижался спиной к ножке стула, словно наконец-то отыскал дело по душе.

Ван Мо сидела неподвижно. Рядом с ее рукой спала Ло Ли, у ног примостился Те Пей. Она легко выдохнула, надела колпачок на ручку и положила её ровно посередине обложки блокнота.

Ночь была еще долгой. Но дыхание её стало легче, чем прежде.

<http://bllate.org/book/21190/2145459>